

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОНИКОВ

КРАСНАЯ КНОПКА

Александр Александрович Тамоников
Красная кнопка
Серия «Президентский
спецназ: новый Афган»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22470830

Красная кнопка / Александр Тамоников: ЭКСМО; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-93097-5

Аннотация

Исламские экстремисты готовятся уничтожить крупное сирийское селение. Помощь извне исключается – селение в плотном кольце боевиков. А на случай поддержки окруженных мирных жителей с воздуха бандиты держат в полной боевой готовности трофейную зенитную установку. Словом, мощный бастион, защищенный со всех сторон, – ни вырваться из него, ни прорваться внутрь. Разорвать кольцо блокады поручено группе спецназа майора Сергея Жилина. Опытные бойцы секретного подразделения еще не знают, насколько опасной будет эта, казалось бы, обычная операция.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	35
Глава третья	71
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Александр Александрович Тамоников

Красная кнопка

*Все изложенное в книге является плодом
авторского воображения. Любое совпадение
случайно и непреднамеренно.*

От автора

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава первая

Вертолет плавно коснулся шасси бетонки аэродрома Хмеймим в 18.10 вторника 19 мая. Борттехник открыл дверь, спустил трап, и по нему спустилась группа майора Жилина. Встречал подчиненных командир отряда специального назначения управления спецмероприятий Министерства обороны полковник Северцов.

– Товарищ полковник, боевая группа «Байкал» задачу по нейтрализации турецкой огневой группы выполнила, – доложил Жилин. – Установка РСЗО «Сакарья», бронированная разведывательная машина «Отакар» и транспортно-заряжающая машина с тремя боекомплектами захвачены. В ходе нейтрализации боевой расчет и охранение установки уничтожены, взяты живыми командир огневой группы и корректировщик огня. В Хамене, по данным командира курдского ополчения Авраза Демира, задержана супруга некоего Бахи Джамара, скоропалительно скончавшегося от отравления, Висаль Джамар, сводная сестра корректировщика огня сержанта турецкой армии Нури Сабиха. Во время обстрела «Сакарьей» автобуса с журналистами и охраной вместе с ними погиб и еще один агент турецкой разведки, Бахрам Азир. В группе потерь нет. Взятые в плен командир огневой группы лейтенант турецких ВС Челик Арас и сержант Нури Сабих переданы полковнику сирийской разведки Али Медиру.

Приняв доклад, полковник Северцов пожал руку командиру группы:

– Молодцы! Все сделали правильно, профессионально. Признаться, не ожидал, что вам так быстро удастся выйти на диверсионную огневую группу бригады турков.

– Только цена нашей работы слишком велика, Александр Сергеевич. Если бы журналисты полетели с нами, то и они, и шестеро курдских ополченцев остались бы живы. А на турецкую группу мы бы в любом случае вышли и за те двое суток, что нам были предоставлены. К сожалению, у нас все еще главенствуют стереотипы: если журналисты из Германии и Чехии, то обязательно агенты спецслужб.

– Что теперь об этом говорить? Решение отправить их сирийским вертолетом принималось не мной. Жаль, конечно, людей, но здесь, Сережа, война.

– Сегодня я уже слышал это, мол, война есть война. Этим можно любую глупость, любую ошибку оправдать.

Северцов взял майора под руку, отвел от вертолета, у которого собралась вся группа «Байкал».

– Да я с тобой согласен, но война, как бы банально это ни звучало, без потерь не бывает.

– Этих потерь, я имею в виду журналистов и охрану, можно было бы избежать.

– Но тогда им надо было запретить доступ в Афрани, где эта сучья огневая группа уничтожила более сотни людей, большинство из которых – женщины и дети. Корректиров-

щик же сопровождал автобус с ними, и если курды задержали бы журналистов в Хамене, то огневая группа не вышла бы на позицию, а Сабих, передававший накануне координаты, отправил бы в штаб турецкой бригады сигнал опасности. В результате деятельность турок никто не пресек бы. А она, отстояв где-нибудь на территории Турции, вышла бы в буферную зону, и неизвестно, по какой цели ударила бы. Ведь это могли быть и другие курдские селения. И жертв было бы на порядок больше.

– Логика, конечно, железная, – кивнул Жилин, – тут не поспоришь, но мы просчитали корректировщика до нанесения удара по журналистам. И если бы они были с нами, все равно вышли бы на огневую группу. Но вы правы, что теперь об этом. Теперь остается показать всему миру, как страны НАТО, вернее, одна из стран НАТО ведет борьбу с ИГИЛ. Что-то подсказывает мне, на Западе категорически опровергнут участие Турции в совершенных преступлениях. А в Анкаре приняли решение не отрицать очевидное.

– Неужели признали, что их вооруженные силы в нарушение всех международных норм и прав, в нарушение всех договоренностей России с западной коалицией все же ведут незаконные боевые действия против сирийских курдов на территории Сирии? – удивился Жилин.

– Ну, этого им в НАТО не простили бы. Анкара приняла другое решение – в бригаде, дислоцирующейся у Гардана,

командование соединения, а точнее комбриг, начальник разведки, заместитель начальника штаба и командир отдельной реактивной батареи тайно вступили в сговор с ИГИЛ. В результате в буферную зону и была направлена огневая группа. Контрразведке не хватило нескольких дней, чтобы предотвратить предательство.

– Ловко! Нашли «стрелочников»!

– И очень оперативно.

– Но вряд ли комбриг с подчиненными возьмут вину на себя. Это ведь по законам военного времени...

– Они уже ничего не возьмут и ничего не опровергнут. Уже сегодня в турецкой прессе и на ведущих каналах подробно описывается спецоперация турецких контрразведчиков, которые пытались взять предателей. Но те, укрывшись на стрельбище полигона, оказали спецназу яростное сопротивление и были уничтожены.

– Зачистились, значит, турки?

– Но хоть признали, что именно из бригады у Гардана действовала огневая группа и командир бригады был напрямую связан с ИГИЛ.

– И вы этому верите?

– Нет, конечно. Подобную операцию командир какой-то бригады провести самостоятельно не мог. Ему приказали провести серию террористических актов, а отказаться он не мог, иначе недолго прожил бы.

– Он и так недолго прожил.

– Благодаря тому, что вы «сделали» турок.

– С помощью курдов.

– Само собой. Но мне кажется, твои парни уже заждались.

Жилин посмотрел на бойцов группы. Соболь недвусмысленно показывал на рот и ухо. Северцов все понял, хлопнул майора по плечу:

– Командуй, Сергей! В столовой все готово. Сутки отдыха.

– Если не последует никакого распоряжения, так?

– Ну, не тебе объяснять, как у нас все происходит. Пока сутки отдыха.

– Понял, – кивнул Жилин и повернулся к группе: – Внимание, в одну шеренгу становись!

После построения он отдал команду двигаться к столовой на ужин, после сдачи оружия и амуниции следовать в модуль на отдых. Последняя команда была воспринята спецназовцами гулом одобрения.

Командование на себя принял заместитель Жилина, капитан Туренко.

Из столовой выходили уже по одному, по двое, никакого строя, никаких старших, никаких команд.

Смирнов с Сободем шли, как всегда, вместе.

Отойдя от столовой, старший лейтенант со злостью пнул валявшийся на дорожке камень. Тот случайно попал в кота, лежавшего в тени кустов. Видимо, задел не слабо, кот подскочил, издал вопль и метнулся под ближайший модуль.

– Ты что это, Боря? – с удивлением посмотрел на Смир-

нова Соболь.

– Ничего. Помнишь обожженные трупы в сгоревшем автобусе?

– И что? Первый раз, что ли, видели подобную картину?

– Чешку вспоминаю. Имя-то у нее какое – Злата. Золотая.

И сама красивая, гордая. А теперь от нее одна лишь головешка осталась.

– В автобусе сгорела не только она.

– Да, но Злата Горак была единственной женщиной. Неповторимой женщиной.

– Завязывай, Борь! Если мы так будем реагировать на каждую жертву войны, то совсем скоро окажемся в психушке.

– А ты считаешь, у тебя сейчас нормальная психика?

– А мне без разницы, какая у меня психика, – неожиданно признался Соболь. – Я давил эту бандитскую сволочь, давлю и буду давить, пока живой. Пока пуля «духа» не пробьет сердце.

– Э-э, мужики, вы чего завелись? – раздался сзади голос старшего лейтенанта Курко.

– А ты что за нами прешь? – обернулся прапорщик.

– Так вас догоняю.

– На хрена?

– Предложение есть.

– Чего?

– Предложение.

– Озвучь.

– Нажраться, на хрен, по-человечески.

– Хорошая мысль, – расплылся в улыбке Соболев. – Я еще в «вертушке» мечтал об этом. Только две проблемы, Гена.

– Что за проблемы?

– Первая и главная: в значке пошла не осталось, местный арак, что можно в поселке купить, в горло не полезет, да и толку от него никакого.

– А вторая проблема?

– Вторая: Боря-то наш, после поминок по Опарину Лене, завязал со спиртным.

– Э-э, кто из нас не завязывал! – протянул Курко и подружески толкнул Смирнова в плечо. – Борь! В натуре реально завязал или так, для передышки?

– Реально и в натуре, – передразнил его Смирнов, – но сегодня развяжу. Ну ее к черту, эту трезвую жизнь!

– Вот это правильно, – подбодрил Соболев, – верное решение. Значит, осталась одна, но главная проблема. Может, спрашивать у «летунов»? У них спирт должен быть.

– Так тебе технари и дадут, им самим спирт нужен.

– Ну, не столько же!

– Ладно, – проговорил Курко, – один вариант – «летуны», какие еще есть соображения?

– Медчасть! Там тоже спирта хватает.

– А ты с начмедом базы майором Нефедовым когда-нибудь пересекался?

– Нет.

– Тогда понятно, почему учиываешь и медчасть. Так вот, этот Нефедов быстрее застрелится, чем даст кому-нибудь спирт без разрешения генерала Грубанова.

– Упертый мужик?

– Не то слово. Хотя поговаривают, ребята со сбитого «Су-24» развели его. Но там другая история была.

– История нас не интересует. Медчасть отпадает. Что еще? – Соболь посмотрел на Смирнова: – Борь?! У тебя какие мысли?

– Борт с гуманитаркой видите? У дальнего ангара?

– Точно, «семьдесят шестой». А с чего взял, что на борту гуманитарный груз?

– А с того, что самолет МЧС. Технику, личный состав, все боевое досматривают транспортники МО, а этот – МЧС. Просекаете ситуацию?

– Думаешь, экипаж притащил с десятков ящиков водки?

– Думаю, что у экипажа МЧС есть свой запас. Им бабло в России в рублях платят, а тут на рынке неплохие шмотки и технику можно купить, но за доллары или за сирийские фунты. Обменников же на базе нет. Рубли здесь тоже особо не в почете, значит, что? У экипажа должна быть жидкая валюта.

– Ну и голова у тебя, Боря, как-то не додумался до этого, – с уважением посмотрел на Смирнова Соболь.

– А не додумался, то возьми у меня в тумбочке сто баксов и дуй к «семьдесят шестому». Узнаешь, где отдыхает эки-

паж, дальнейшие действия объяснять надо?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант.

– И спроси у «летунов», может, и закуски из России привезли, чтобы местную хрень не покупать.

– Не беспокойся, все сделаем.

– Давай, мы с Геной будем ждать тебя в моем отсеке.

– Я уже на «лыжах».

– Не споткнись смотри.

– А в тумбочке точно сто баксов?

– Все, что из Пальмиры привез.

– Погоди, а у кого взял?

– У советника.

– Чего мне не сказал? Я бы тоже разжился.

– Ты еще здесь?

– Уже нет.

Соболь метнулся к модулю.

– А ты чего, Гена, решил нажраться? – поинтересовался Смирнов у Курко.

– Настроение хреновое, Борь. Вроде и задачу выполнили, и спасти людей, я имею в виду журналистов и курдскую охрану, физически не могли, а осадок тяжелый. Словно по нашей вине они погибли.

– Вот и у меня такое же ощущение. Особенно когда вспомню чешку.

– Единственную женщину в уничтоженной группе?

– Да. Уж не знаю чем, но запала она мне в душу. Когда

отправляли в Хамен, решил, найду ее там, попытаюсь хотя бы поговорить. Нашел – в обгоревшем остове автобуса.

– Понятно. Не загоняйся, Борь, все равно ничего у тебя с ней не срослось бы. Даже при ее полном согласии командование быстро тебя от нее избавило бы.

– Все я понимаю, но... Эх, Ген, чего теперь?

Мимо проскользнул Соболь, направившись к стоявшему у дальнего ангара «Ил-76» Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Офицеры зашли в отсек старшего лейтенанта Смирнова.

Борис кивнул Курко на так называемую кухонную секцию, где стояли стол, по бокам две скамьи, умывальник, морозильная камера, а на стене висел навесной шкаф. В отсеке было прохладно, работал кондиционер.

– Если Соболь не надывает спирта, – проговорил Курко, – придется попытаться выехать в Хмеймим. Там есть лавки, где можно купить нашу водку. Дорогая она, но не арак же брать?

– Брать, – выдохнул Смирнов, – но сначала надо получить разрешение на выезд с базы. А кто его даст? Жилин? Бесплезно. Северцов? Лично я к нему не пойду. И не отпустят, сто пудов. Так что, Гена, вся надежда на Диму.

– Есть на крайняк вариант.

– Какой?

– Училище вспомни: что делали, когда надо к подружке, а увольнение не давали?

– «Самоход»? В нашем-то положении?

– В нашем как раз и безопаснее. Попадемся, что с нами сделают? Да ничего. Выговор объявят, так и хрен с ним. На следующем выходе снимут. В училище рисковали больше.

– А на чем ехать?

– Чего тут ехать? Вышел за КПП, и тут же окраина поселка.

– Так через КПП тоже еще пройти надо.

– От медпункта есть тропка. Как-то был у стоматолога, зуб вырывал, укол помог ненадолго, отходняк еще тот, вот и бродил вокруг медицинского пункта. Смотрю, двое контрактников из ТЭЧ в кусты за пунктом нырнули. И что, думаю, они там забыли? Выждал паузу, пошел посмотреть, куда солдаты делись, и увидел тропку. Под колючкой два бруса стоят вертикально, любой комплекции человек пролезет. А дальше вдоль рощи – поселок.

– Так это другое дело, Гена. Не достанет Соболь пойло здесь, отправим в «самоход».

– Но надо обернуться до 22 часов. После общего отбоя весь периметр караул берет под охрану, и тогда нигде не пройти. Сам знаешь, у часовых приказ – открывать огонь на поражение по любому, кто не выполнил их требование. А требование одно – стой, на землю, лапы на затылок! Слово против пикнешь и словишь пулю, как родную.

– Насчет этого да, – согласился Смирнов, – охранение тут организовано хорошо.

– Так хорошо, что свободно можно уйти в поселок.

– Так это в поселок. Основная линия охранения закольцовывает район поселка и аэродром. Вот там не пройти.

В отсек ввалился Соболев. По довольному виду прапорщика и по увесистому свертку из плотной бумаги стало ясно – поход явно удался.

– Что, Дима? – спросил у него старший лейтенант Смирнов.

– Во! – удерживая пакет, выставил большой палец Соболев. – Все прошло просто великолепно. Экипаж – ребята свои в доску. Знают, что такое закрытые базы и что с собой надо брать.

Он выложил сверток, развернул его. На столе появились литровая пластиковая бутылка с кристально чистой жидкостью, еще один сверток, целлофановый пакет с малосолевыми грибами.

– Ух ты, – не удержался Курко, – грибочки!

– Грибочки еще что, ты смотри, что тут, – усмехнулся Соболев, разворачивая второй пакет. Там был солидный кусок сала.

– Сало?! – глотая слюну, проговорил Курко. – Это же бальзам на наши со Смирновым хохляцкие души. И сало-то, видать, с Украины. Шкурка тонкая, домашнее. Ну, Диман, удружил так удружил.

– Спирт? – покосился на бутылку Смирнов.

– Спирт, – ответил Соболев.

– Технический?

– Самый что ни на есть медицинский.

– А ну дыхни!

– Чего?

– Дыхни, говорю!

Соболь подчинился и дыхнул:

– Пил?

– Не пил, а попробовал. Надо же было проверить, что беру.

– И как? – поинтересовался Курко.

– Отлично. Накатил чистогана, прошла как водка, а в голову сразу ударило. Отменный спирт, такого даже у начмеда наверняка нет.

– Ладно. Но раз ты грибочки принес, сало, то без картошки не обойтись, – сказал Смирнов.

– Ты на что намекаешь, Боря?

– Я, Дима, не намекаю, я говорю: под раковинной рюкзаком там картошка, берешь клубни, нож, кастрюлю и над умывальником чистишь. Потом на сковородке топишь сало и жарить картошку. Но смотри, резать тонкими ломтиками и жарить, чтобы хрустящая была.

– Ты мне целую инструкцию выдал, будто я не знаю, как жарить картошку.

– Привычка, Дима.

– Хреновая привычка, Борь.

– Да хорош вам, – встрял Курко. – Давай для начала на-

катим по первой, под закусь и сало с хлебом пойдет.

– С хлебом? – переспросил Смирнов. – Дима, у нас есть хлеб?

– А чего ты у меня спрашиваешь? Сам не знаешь?

– Значит, нет. Придется все отложить, давай-ка, Дима, к соседям за хлебом.

– С чего это я? У меня дела, сам сходи.

– Да я бы с удовольствием, но не положено, – притворно вздохнул Смирнов.

– Чего бы?

– Все же старший по званию.

– Сейчас нет старших.

– И как вы вместе обитаете? – не выдержав, поднялся Курко. – Сидите, я схожу. В столовой всегда хлеб остается. Пакет есть?

– В прихожей, на тумбе.

Курко взял пакет и вышел на улицу. Вернулся он быстро, почти с полным пакетом нарезанного белого и черного хлеба.

– Куда столько! – воскликнул Смирнов.

– Да там на столе у входа пропасть его. Набрал, сколько влезло. Пригодится. Сухарики посушите. Жизнь, она изменчива.

– Что ты имеешь в виду? – покосился на старшего лейтенанта Соболя.

– Ситуация, при которой сушат сухари.

– Очень умно, – обиженно буркнул Дима.

Наконец все присели. Курко и Смирнов изъявили желание пить чистый спирт, Соболю было без разницы. Он разлил по кружкам и спросил:

– За что пьем?

– Первую, как обычно, за всех, за здоровье, за удачу, за проведенную операцию.

– Что-то много для одного тоста, но ладно, поехали.

Офицеры чокнулись, выпили.

– Реально отличный спирт, и где такой «летуны» раздобыли? – проговорил Курко.

– Об этом не спрашивал, – хмыкнул Соболев.

Вторым заходом помянули журналистов и курдов. Третий тост был за Ленью Опарина и всех, кто сложил голову в боях.

– Хорош пока. Соболев, за плиту! У меня аппетит зверский разгулялся, – отставил ополовиненную бутылку Смирнов.

Курко с полным ртом показал, у него, мол, тоже, хотя поглощал сало кусками.

Прапорщик встал у плиты, и скоро по всему отсеку пошел непередаваемый запах.

Горячее съели в один момент.

– Молодчик, умница, – похвалил Смирнов Соболя.

– Да тут и ума особого не требуется.

– Давай по четвертой!

– Давай.

Не успел Соболев взяться за бутылку, как в проеме столо-

вой секции образовалась фигура командира отряда.

– Отдыхаете, значит?

– Так мы, товарищ полковник, – икнул Смирнов, – это, журналистов решили помянуть, курдов. Чтобы все по-человечески. И своих ребят. Опарина...

– Помянуть? – полковник забрал у Соболя бутылку, попробовал на вкус и поморщился. – А не много ли для поминок литра спирта?

– Что для трех здоровых мужиков литр спирта? – мотнул головой Соболя.

– Почти по две бутылки водки на человека.

– Вот и я говорю, ерунда.

– А кто инициатор попойки?

– Так какая же это попойка, товарищ полковник? – вступил в разговор Курко. – Чисто помянули, и за здоровье немного.

– Я спросил, кто предложил застолье? – повысил голос Северцов.

– Я, – ответил Смирнов.

– Понятно. Вместе с прапорщиком, да?

– Прапорщик ни при чем.

– А тебе, старлей, разве не известно, что на выходе употребление спиртных напитков строго запрещено?

– Так мы же в «отстое», сами дали сутки отдыха.

– Вот именно, отдыха, а не пьянки. Тебе, Смирнов, – выговор.

– Есть выговор.

– Всем остальным, впрочем, тоже.

– Есть, – в один голос ответили Курко и Соболев.

– Вопрос второй. Где взяли спирт?

Младшие офицеры и прапорщик переглянулись.

– А вот это, товарищ полковник, военная тайна, – твердо произнес Смирнов.

– Тайна, да? Какая, на хрен, тайна может быть у бойцов отряда перед командиром?

– Военная, – проговорил Соболев.

– Сейчас договоришься, прапорщик, отправлю на гауптвахту.

– Ваше право.

– Так где взяли спирт?

– Офицеры об этом ничего не знают. Спирт мой, – отстранил кружку Соболев. – Разрешите следовать на гауптвахту?

– Значит, не скажете?

– При всем глубочайшем уважении к вам, нет. «Стучать» мы, товарищ полковник, не приучены.

– Ну что же. Мне с вами разбираться времени нет, пусть разбирается командир группы. Так что ждите Жилина. Вот он будет рад, когда его оторвут ото сна разбираться с подчиненными. А раз вы игнорируете приказ, то я не могу это пропустить. Посему после подъема всей группе назначаю кросс. У нас ВПП почти две тысячи восемьсот метров. Туда-обратно, с небольшим отдыхом, – пять тысяч шестьсот. Это нор-

мально, особенно с похмелья. Вышибает в момент.

– А при чем здесь вся группа, товарищ полковник? Насколько мне известно, в вооруженных силах нет коллективной ответственности. Так что, если наказывать, то нас троих.

– А вот это я решаю. Еще пара лишних слов, и к кроссу добавится полоса препятствий.

– Туда-обратно – пять тысяч шестьсот, километр бегали, три тоже. А пять с лишним, товарищ полковник, это уже марш-бросок, – прикинув, вздохнул Соболев.

– Ты хочешь с полной выкладкой?

– Молчи! – прошипел прапорщику Курко.

– Вот, – подхватил Северцов, поднимаясь, – слушай, Соболев, старшего по званию, он верно тебе советует.

Полковник еще раз бросил взгляд на стол, покачал головой и вышел из отсека.

– Фу, черт, – опустил на скамью Соболев, – думал, выльет спирт командир отряда, а он не стал. И у нас еще граммов двести осталось. Это пузырь водки. А не хватит, я могу еще к «летунам» метнуться, они дадут.

– Метнешься, – проговорил Смирнов, – после того, как Жилин все мозги вместе с литром вынесет. Это он умеет.

– Слушай, Борь, – повернулся к нему Соболев, – а ведь нас, по ходу, кто-то сдал!

– С чего ты взял?

– Раньше бухали спокойно. И если заходил кто, только парни, на хвост упасть. А тут ни с того ни с сего сам коман-

дир отряда приперся. Ладно бы еще Жилин, тот и раньше, хоть и редко, но обходил модуль. Но чтобы полковник Северцов? Такого не было. Точно, нас сдали.

– Кто?

– Это вопрос. Вроде как и некому.

– Некому? А кто на борту «вертушки», когда летели на базу, при всех заявил, что сегодня нажрется до поросячьего визга, не вы ли, товарищ прапорщик?

– Так там, Борь, все свои были, – замялся Соболев. – А у нас «стукачей» нет. И Жилин не стал бы докладывать Северцову. Мало ли что я сказал стгоряча?

– Не загоняйтесь оба! – поднял вверх руку Курко. – Никто нас не «сливал», «стукачей» в группе и в отряде нет. Просто сработал закон подлости. Северцов не проверял модули, а тут решил. А может, Москва запросила, в каком состоянии группа после операции в буферной зоне. Ничего страшного не произошло. Допьем спирт, доедим сало и на боковую. А кросс с утра? До утра еще дожить надо. Но если все же придется бежать, пробежим. В первый раз, что ли?

– Это тебе, Боря, ерунда, а я с похмелья болею, – вздохнул Соболев. – После завтрака все проходит, но до завтрака состояние хреновое. А еще этот кросс долбаный бежать.

– Придется, Соболев, ничего не сделаешь, Северцов своего решения не отменит.

– Да знаю. А может, все-таки как-нибудь «закосить»? До подъема свалить в медпункт и сказать, что рези в желудке.

Пока осматривать будут, то да се, группа уже пробежится.

– Попробуй, – неожиданно сказал Смирнов, – только что-то мне подсказывает, как только ты дойдешь до дежурного медика, тот сразу же тебе вставит клизму и отправит обратно. От тебя же перегаром на всю базу нести будет.

– Да, – сник Соболь, – не прокатит. Ну и хрен с ним, давай допивать. Сегодня гуляем, а что будет завтра, то завтра и будет. В конце концов, не смертельный случай.

– Это кто сказал допивать? – раздался от двери голос командира группы «Байкал» майора Жилина. – Соболь, ты?

– Так точно, товарищ майор. Шустро же вы объявились.

– Значит, сегодня гулянка, а завтра хоть потоп?

– А разве у нас не всегда так? – спросил Смирнов. – На боевых день проживешь, и слава богу. Если бы думали о завтрашнем дне, то давно уже все на небесах были бы.

– Ты мне философию не разводи. Какого хрена командир отряда отрывает меня от отдыха и заставляет переться сюда на разборки?

– По-моему, ответ очевиден.

– Очевиден? Не можете пить так, чтобы не залететь, дерьмо через тряпку сосите.

– Спасибо за совет. На Соболе попробуем.

– И чего опять Соболь? Крайний, что ли? – возмутился прапорщик.

– Хорош базар! – прикрикнул на подчиненных Жилин. – Где спирт взяли? А, ну да, об этом вы даже Северцову не ска-

зали, а уж командиру группы... Хрен с вами, хотя просчитать несложно. Спирт может быть только у экипажа «Ил-76» МЧС. В медпункте вам никто ничего не дал бы, а в поселке спиртом не торгуют.

– Экипаж ни при чем, – заявил Соболев.

– Ну точно, у него взяли, и бегал за пойлом прапорщик Соболев. Тебе, Дима, мальчиком на побегушках не надоело быть?

– А вот оскорблять, товарищ майор, не надо. И что, собственно, произошло, чтобы поднимать шум-гам? Ну, достали спирта, сели спокойно в отсеке, выпили, закусили хорошо, помянули журналистов, курдов, Опарина Ленюку, всех, кто больше никогда не будет сидеть вместе с нами. Нарушили инструкцию? А на боевых мы не нарушаем инструкций? Значит, что получается, на войне действуй по обстановке, кладя на все инструкции, а выполнив задачу, будь добр строго исполнять их. Что-то не помню, чтобы во время отработки бандюков кто-то упоминал какие-то там дебилские инструкции.

– Ты, Соболев, не путай инструкцию с приказом. А Северцов всем запретил употребление спиртного.

– Ладно, чего уж там. Давайте, гнобите, на то вы и начальство.

– Рот прикрой, Соболев, – толкнул в бок прапорщика Смирнов, – а то нарвемся не только на кросс и полосу препятствий.

Жилин присел на табурет, который до него занимал командир отряда.

– Помянули, говоришь, Соболев?

– Так точно. Вот только не дали нормально, по-русски.

– Что там у вас осталось?

– Граммов двести, может, меньше.

– А ну, давай наливай!

– Не понял? – воскликнул прапорщик.

– Что не понятно? Вы помянули, я – нет.

– Так запрещено же!

– Ты это мне говоришь?

– Понял.

Соболь наполнил кружку, и Жилин, не морщась, выпил. Закусил бутербродом с салом, грибы и картошка к этому времени закончились.

– Вот сало, еще один аргумент в пользу того, что спирт брали у экипажа. Такое сало могло быть доставлено только из России. И прибыл один борт. Завтра ожидают еще два, – закусив, он поднялся. – Все, убрали со стола и по койкам. Подъем в 6.00. Тебе, Соболев, советую сразу же с подъема в туалет и два пальца в рот. Легче станет, меньше на кроссе мучиться будешь.

– Обязательно так и сделаю.

– Я пройду до штаба, когда пойду назад, чтобы все спали. Вопросы?

– Нет вопросов, – ответил Смирнов и тут же спросил: –

Когда же нас в Россию бросят? Здесь никакой жизни нет, ни личной, ни интимной.

– Думаю, еще не скоро.

– А что делать? Если не брать Алеппо, то тут нам и делать нечего.

– Все так думали, а турки сюрприз кровавый преподнесли. Здесь, Боря, всегда найдется работа. И чем дальше, тем ее будет больше. Вот так. До завтра, товарищи офицеры и прапорщик.

– До завтра, – вздохнул Соболев.

Проводив командира группы, Смирнов и Соболев взялись за уборку. Курко хотел помочь, но его отправили в свой отсек.

Спустя десять минут бойцы группы «Байкал» спали.

Ровно в 6.00 среды 20 мая группе «Байкал» был объявлен подъем. Десять минут, как говорится, на оправление естественных надобностей, и в 6.10 капитан Туренко уже докладывал перед строем командиру группы:

– Товарищ майор, боевая группа «Байкал» для проведения кросса построена. Заместитель командира группы капитан Туренко.

– Товарищи офицеры! – козырнул Жилин, что означало «вольно». – Значит, так. Командиром отряда полковником Северцовым принято решение на проведение кросса для нашей группы. Кросс вдоль взлетно-посадочной полосы.

Он не назвал причину, которая привела к такому решению командира, хотя все офицеры и прапорщики знали эту самую причину, но зла на товарищей не держали. Сегодня они попали в переplet, завтра ты. Такова служба, такова жизнь.

– Но... – улыbnулся Жилин, – полковник Северцов изменил решение по дальности забега. Бежать вам придется от конца ВПП до ее начала, до места, откуда стартуют самолеты. К «ловушке» в конце КПП пройдете пешком. Оттуда забег. Ведет группу капитан Туренко.

– Ну хоть так, – стоя в строю, проговорил Смирнов.

– Смирнов? Вы что-то изволили сказать?

– Никак нет, товарищ майор, вам показалось.

– Да? Вообще-то со слухом у меня все в порядке.

– Тогда вы слышали бы, что именно я сказал.

– Ладно, – кашлянул Жилин. – Туренко! Группу к ВПП.

– Есть, товарищ майор!

Подразделение свободным строем пошло к дальней кромке бетонки и наземного тормозного устройства «АТУ», не позволяющего самолету при аварийной посадке вылететь за безопасные пределы ВПП.

Сам же Жилин воспользовался одним из «УАЗов» штаба базы. Увидев это, Соболь подтолкнул Смирнова:

– Смотри, а Жилин не собирается бежать вместе с нами.

– Я, если был бы командиром группы, тоже не побежал бы. С какой радости? Подчиненные бухают, а командир должен

страдать?

– Ты не забыл, что майор вчера последние двести граммов проглотил?

– Это вынужденная мера.

– Чего? Он сам сказал: налей, Соболев. Кто его к чему вынуждал?

– Вынужденная, прапорщик, потому, что майор хотел не только помянуть, но и чтобы нам меньше досталось.

– Во как все повернул! Где бы в армии такую должность найти, пить за других, чтобы другим меньше доставалось?

– Подумал, что спросил?

– Проехали. Только по справедливости командир должен с группой бежать.

– Может, еще и полковник Северцов должен?

– И ему не помешало бы.

– Ты наглый, Дима, как торговец «левым» товаром.

– Я не наглый, я больной, – вздохнул Соболев.

– Голова?

– И голова, и вообще, тошнит, слабость, короче, бодун, не тебе объяснять.

– Я-то как раз редко страдаю, только когда литра два за вечер приму. Да и то не сильно.

– А я сильно. Еле иду, а еще бежать в «обратку».

– Да уж, ничего хорошего.

За полчаса группа дошла до бетонного бордюра взлетно-посадочной полосы. «УАЗ» развернулся, и Жилин ско-

мандовал:

– Всем пятнадцать минут отдыха, после чего построение в колонну.

Бойцы разошлись. Смирнов с Сободем присели на непонятно как оказавшийся здесь ящик.

– Как настроение, парни? – подходя к ним, спросил командир группы.

– Боевое, – процедил Соболев.

– Смотрю, хреново тебе, Дима.

– Были времена и лучше. Товарищ майор, может, сегодня освободите от кросса? А то, боюсь, после него боевое подразделение недосчитается одного бойца.

– Ничего, перемучаешься. Побежишь со всеми! – отрезал Жилин и прошел к другим офицерам.

– «Побежишь со всеми», как будто у меня выбор есть, – передразнил его Соболев. – Нет, вернемся домой, уволюсь, к чертовой матери! На кое-какую пенсию наслужил, опять-таки надбавка за боевые, хата есть, работу найду без проблем. Буду в костюмчике при галстукке на входе какого-нибудь казино стоять. Лафа, а не служба. И бабло приличное. Подженись на разведенке. И только по «ящику» буду смотреть, как наш славный спецназ громит мировой терроризм.

– Помечтай!

– А чего? Кто меня удержит?

– Сам останешься, потому как другой жизнью жить не сможешь.

– Тоже верно, – вздохнул Соболев. – У казино, это, со скуки сдохнешь, а разведенка бытовухой достанет.

– Стройся, – подал команду Жилин.

Пришлось вставать. Командир группы осмотрел бойцов. Соболев был бледен, но держался.

Жилин улыбнулся и подал следующую команду:

– Внимание, группа, вперед!

Бойцы побежали.

Время никто не устанавливал, поэтому выбрали щадящий темп.

Жилин сел на место старшего, кивнул водителю «УАЗа»:

– Идем за колонной, обойдешь группу и встанешь у при-
мыкания дорожки от стоянки к ВПП, обозначив финиш, по-
нял?

– Так точно, товарищ майор! – ответил сержант-контракт-
ник.

– Вперед!

«УАЗ» двинулся за последним бегущим. Им оказался прапорщик Соболев, впрочем, ничего иного командир груп-
пы и не ожидал.

Спустя минуту к прапорщику пристроился Смирнов. Подбадривал. Половину дистанции группа прошла без проб-
лем. Смирнов с Соболевым прилично отстали, но не остано-
вились.

– Вот так, добежишь, куда ж ты денешься? – прошептал
Жилин.

– Вы что-то сказали, товарищ майор? – взглянул на него водитель.

– Это тебя не касается. Черт, стой!

Водитель ударил по тормозам.

Причиной явилось то, что Соболя вдруг повело в сторону, затем зашатало, и он рухнул на обочину, прямо под колеса.

– Что такое?! – выскочив из машины, крикнул Жилин и, подбежав к Соболю, склонился над ним. – Очень плохо?

– За... бис, то... товарищ... майор.

– Твою мать! – ругнулся Жилин и взглянул на Смирнова: – Чего теперь с ним делать? В медпункт везти? Это же позорище какое.

– Не... надо... мед... пункта... сейчас... проблююсь... легче станет.

– Не знал, что он так слаб на спиртное, – покачал головой Жилин.

– Да не слаб, только утром до завтрака болеет. Потом в себя приходит. На построении и незаметно, – встал на защиту друга Смирнов.

Соболь поднялся, белый как мел, вытер рот, поднял кепку:

– Все нормально, можно продолжить экзекуцию.

– Мы побежали? – спросил Смирнов.

– Нет! Давайте в кабину оба, мне не хватало, чтобы на самом деле Соболя дуба дал на этой трехкилометровке.

– Я могу бежать, – сказал Смирнов.

– Угу, группа уже оторвалась, а мне за тобой тащиться?

– Догоню!

– Не надо, отбегали. В машину, сказал!

Смирнов и Соболев сели на заднее сиденье. Прапорщик, которому заметно полегчало, подмигнул товарищу, и тот показал ему кулак.

«УАЗ» догнал поредевшую группу, вскоре вышел вперед и развернулся у примыкания бетонных дорожек.

Жилин вышел. За ним последовали Смирнов и Соболев.

Группа единой колонной миновала финиш.

– Отдых! – крикнул командир и кивнул водителю: – Гони «УАЗ» к штабу, до модуля я пешком со своими дойду.

– Есть!

Водитель-контрактник повел внедорожник к зданию штаба базы.

Группа подошла к модулю, где их уже ждал командир отряда.

Майор Жилин доложил о проведенном кроссе.

– Что-то видок у тебя, прапорщик, не ахти, – взглянув на Соболева, покачал головой Северцов.

– Нормальный видок, товарищ полковник, не выспался.

– Да? – Северцов повернулся к Жилину: – Как он пробежал?

– Как и все.

– Последним тянулся?

– Никак нет. Вся группа прошла дистанцию колонной.

– Запомни, прапорщик, – вновь посмотрел на Соболя полковник, – дисциплина превыше всего.

– Запомнил, товарищ полковник.

– Ну и хорошо. Приводите себя в порядок и на завтрак. После завтрака продолжение отдыха. На сегодня у нас пока ничего нет.

Глава вторая

Поселок ЭльРуван

в шестидесяти километрах от Латакии.

Среда 19 мая, 2 часа утра

Эль-Руван вот уже год как был блокирован бандформированиями ИГИЛ. И целый год, несмотря на все усилия террористов, им так и не удалось взять этот важный в стратегическом отношении поселок. В нем проживало около тысячи человек, в ополчении состояли все пригодные для этого мужчины. Администрация Эль-Рувана всегда поддерживала власть Башара Асада и не желала иной власти. Ополчение имело свой штаб, четыре боевых отряда обороны с каждого из направлений. До последнего времени, особенно с появлением в Сирии российских ВВС, снабжение поселка осуществлялось постоянно и в необходимых объемах. Но оно вынужденно было прекращено (из-за того, что банда главаря всех формирований, блокировавших Эль-Руван, получила из Турции несколько советских ПЗРК и одну самоходную зенитную установку ЗСУ-23-4 «Шилка». И путь снабжения поселка с появлением средств ПВО был отрезан. О чем ополченцы и советник еще не знали).

В штабе ополчения, разместившегося в одном из двух центральных кварталов Хамар в здании бывшей гостиницы, на ночное совещание срочно собрались командир ополчения

Махир Абидир, российский военный советник, присланный в поселок по просьбе ополченцев, – майор ВДВ Олег Викторович Зарубин, владевший арабским языком, заместитель Абидира, он же начальник разведки и контрразведки Намир Бакри, а также все четыре командира отрядов территориальной обороны – Кахан Вахади, Ислах Гандар, Вадиг Динбар и Ариф Кандиль.

Слово тут же взял заместитель командира батальона ополчения Намир Бакри:

– Начну с неприятной новости: по данным нашего агента, успешно работающего в штабе террористов в поселке Бада, на утро игиловцы планируют очередную попытку прорыва обороны с отвлекающим маневром. Основным направлением на этот раз выбрано северное направление, то есть участок обороны Кахана Вахади. Отвлекающий маневр боевики собираются провести на западе. Что за маневр, уточнить не удалось, известно лишь то, что все действия на западе поселка будут носить отвлекающий характер, а главная атака пойдет со стороны Бада. Наши наблюдатели в близлежащих селениях с 23 часов сообщают о выдвижении к позициям отряда боевиков Али Шакира групп танков и бронетранспортеров, видимо, из состава резерва главаря банды. Наблюдатели отметили как минимум четыре танка «Т-62» и столько же бронетранспортеров. Учитывая то, что у Шакира есть взвод собственных танков и три бронетранспортера, на позициях его отряда может быть сосредоточено семь танков,

практически танковая рота, и столько же бронетранспортеров. Численность банды составляет около ста двадцати человек. Отвлекающий маневр назначен на 4 утра, основное наступление на 4.40. У меня все.

Слово взял командир Махир Абидир:

– Действительно плохая новость. Что мы можем противопоставить игиловцам, братья? Тебе, Кахан, – обратился он к Вахади, – держать основной удар боевиков, поэтому слушаем твое мнение.

– Вам известно, что у меня, как и в других отрядах, восемьдесят ополченцев, разбитых на три группы, и отделение управления и обеспечения, – поднявшись, заговорил Вахади. – В составе отряда один танк «Т-72», один БТР-60 ПБ, зенитные установки ЗУ-23-2. Преимущество отряда в том, что мы, во-первых, обороняющаяся сторона, а значит, нет необходимости в достижении численного превосходства над противником ни в личном составе, ни в технике. В отряде, по группам, шесть гранатометчиков, у каждого помощник, у помощника по десять выстрелов. Итого, мы можем произвести по боевикам шестьдесят выстрелов из РПГ. Но лишь в том случае, естественно, если вражеская техника подойдет к позициям на расстояние до пятисот метров. Во-вторых, и в том, что наши позиции находятся как в траншеях, так и в полуразрушенных, но еще способных защищать личный состав домах. При необходимости личный состав может быть быстро направлен в траншеи. Техника в капонирах и смо-

жет вести огонь по своим секторам. Но прорыв все же возможен. Наверняка игиловцы после отвлекающего маневра, непонятно, зачем он им понадобился, непосредственно перед атакой проведут артподготовку из танков. А семь «Т-62» с расстояния в километр способны нанести нам существенный ущерб. Кроме того, атака может пойти и при артналете, который прекратится при подходе боевиков непосредственно к линии обороны. А если боевики применят дымовые заряды, то ситуация вообще осложнится. У меня все.

Вахади сел на свое место, а слово снова взял Абидир:

– Исходя из тобой, Кахан, сказанного, усиление позиций отряда не требуется.

– Нет! Того усиления, что можешь предоставить ты, а это – максимум переброска пары бронетранспортеров с других направлений и двух БМП со взводом резерва. Это не изменит ситуацию. Вот если бы у нас была самоходная гаубица... но что говорить о том, чего нет и не будет.

– Я тебя услышал. Но не понимаю одного, почему именно сейчас, когда в поселке еще есть и продукты, и боеприпасы, боевики решились на прорыв. Логичнее брать Эль-Руван, когда через неделю у нас не будет по меньшей мере продовольствия. Склады опустошаются, нормы пайка срезаны до предела, лишь детям, беременным и кормящим женщинам дается полноценный паек. Это знают в штабе Курмани. Помочь пробить наземный коридор русская авиация также не может, потому что мы находимся в прямом контакте с иги-

ловцами. Удары, даже корректируемыми бомбами или ракетами, неизбежно нанесут потери обеим сторонам. И в этот момент, когда выгоднее всего подождать неделю-другую, когда в поселке начнется голод, взять его без потерь, Курмани решается на очередной штурм. Он атаковал нас с запада – бесполезно, атаковал нас с востока – результат тот же, с юга не атаковал, но там местность сложная и минные поля перед позициями отряда Кандиля. Теперь решил ударить в лоб, с севера, да еще с отвлекающим маневром. Зачем? Почему? Может быть, кто-то объяснит мне? Олег Викторович, ты – профессиональный военный лучшей армии мира, может, ты объяснишь?

– Попробую, – ответил военный советник. – Здесь могут быть два варианта: первый – Курмани получил приказ руководства ИГИЛ, уж с чем он связан, мы вряд ли узнаем, и вынужден атаковать, и второй – решение принято самим Курмани, дабы проявить себя. Что я имею в виду? Две попытки овладеть Эль-Руваном, закончившиеся неудачей, подрывают его позиции как полевого командира, и теперь нужно восстановить падающий авторитет.

– А не задумал ли Курмани авантюру? – заметил командир южного отряда Кандиль.

– Что ты имеешь в виду? – посмотрел на него Абидир.

– То, что отвлекающий маневр, который совершенно не нужен в данной ситуации, призван на самом деле обернуться главным ударом, а выход к северу – отвлечением наших сил.

– Ты считаешь, что Курмани может провести основной удар с запада?

– Почему нет? Он думает так: подойдет усиление к северу, мы сконцентрируемся на отражении удара от Бады, а техника резерва боевиков, оставив северное направление, пройдет на запад и оттуда проведет атаку.

– Это полная бессмыслица, – возразил ему майор Зарубин.

– Но почему? – вспыхнул Кандиль.

– Потому, что все перемещения игиловцев нами контролируются. Допустим, они проведут артналет, за которым ничего не последует, либо будет открыт огонь отрядом Шакира. Допустим, техника резерва двинется к отряду Халафа, что не останется без нашего внимания. Но нам-то проще перебросить в поселке технику и дополнительные силы на запад, чем Курмани, расстояние совсем другое. Затем атака с запада без артподготовки или повторный обстрел. А это раскрытие замысла, и подобную тактику игиловцы не применяют. Я считаю, что удар будет нанесен с севера, как и отвлекающий маневр проведен с запада.

– В чем может заключаться отвлекающий маневр? – спросил Абидир.

– Да в чем угодно. Например, в имитации наступления отряда Халафа. Дождутся боевики обозначенного времени, дойдут до рубежа поражения техники нашими гранатометами и либо встанут, либо отойдут назад. А вообще по замыс-

ду Курмани важно знать, насколько достоверна информация твоего, Намир, – взглянул майор на заместителя, – агента.

– Ты сомневаешься в его данных?

– Кто такой агент, Намир? Давай только без обид. Человек хороший, подготовленный, снабженный всем необходимым для секретной работы, внедренный в стан врага. Но все же он в первую очередь человек. А человеку свойственно допускать ошибки. И не надо думать, что если наша контрразведка контролирует все и вся в окрестностях границ поселка, это не в состоянии делать игиловская контрразведка.

– Значит, по-твоему, агент может работать на боевиков и сбросил нам заведомо ложную информацию?

– Его вообще может уже не быть в живых. Канал же передачи информации остался. Я не допускаю мысли, что агент – предатель, но то, что он провалился, вполне возможно. И тогда мы совершенно не можем просчитать замысел Курмани.

– Да, перспектива, – вздохнул Абидир.

– Мой агент подал бы сигнал провала.

– Намир, – попытался успокоить его майор Зарубин. – На войне всякое бывает. И опять-таки, даже с провалом агента никакой катастрофы для обороны поселка не наступило. Жаль, конечно, человека, если он попал в лапы игиловцев, но помочь не сможем. Посему предлагаю объявить всем отрядам боевую готовность «Военная опасность», всем бойцам – на позиции, в технику, лучше скрытно. Никаких перебросок не осуществлять. Резерв держать в готовности к реакти-

рованию на любом направлении, а также командирам групп заранее определить силы, которые они смогли бы без ущерба для обороны своих участков перебросить на главное направление. Ну, а далее – по обстановке. Нам не надо суетиться, делать судорожных движений. Работали спокойно до этого времени, и надо продолжать в том же духе. На настоящий момент завладеть поселком Эль-Руван силами Курмани весьма проблематично. У него нет нужного перевеса, да и опыта в подобных делах. А штурм укрепленного района размером с поселок требует особых профессиональных навыков. Здесь нужна не только мощь, но и стратегия и тактика ведения боевых действий, а также внедрение в Эль-Руван диверсионных групп.

– Все? – спросил Абидир.

– Все, – ответил военный советник.

– На этом и порешим. Сейчас все на свои места, и начать готовиться к действиям игиловцев. У вас, братья, не так много времени. Все проводить максимально скрытно, без сомнения, за поселком активно наблюдают разведчики бандформирования Курмани. Майору Зарубину и Бакри остаться, остальным по местам. Да поможет нам Всевышний.

Командиры отрядов вышли и разъехались по своим командным пунктам.

– Мы можем проверить, не работает ли наш агент под контролем игиловцев? – обратился к своему заместителю командир ополчения. – Только давай без возмущений, спокой-

но, дело может принять серьезный оборот.

– Я уверен, что агент работает не под контролем, – ответил Бакри.

– А на чем основывается эта уверенность? – спросил майор Зарубин.

– Он, агент, имя его я не имею права называть даже вам, из тех, кого не заставишь работать на врага. Он быстрее перережет себе горло, чем продастся этим шакалам.

– А если он как раз и перерезал горло? Нет, пойми, Намир, никаких намеков, просто может же так получиться, что агент попал в поле зрения игиловской контрразведки? И... покончил с собой.

– Но агент выходил на связь.

– Ты лично с ним говорил?

– Нет, он сбросил информацию по каналу закрытой связи, на компьютер.

– Значит, голоса его ты не слышал?

– Нет, но что это меняет?

– Многое, – ответил Зарубин, – вместо него мог работать другой человек.

– В принципе мог, – подумав, кивнул Бакри, – у нас не было обговорено каких-либо условных сигналов или знаков при передачи информации. Но, повторяю, агент жив, не раскрыт, информацию прислал достоверную, что полностью подтверждается наблюдателями из ближайших деревень.

– Подтверждается переброска резервов к позициям одно-

го из отрядов Курмани, не более того. А о наступлении тебя предупредил только агент.

– Послушай, офицер, ты чего вообще добиваешься? – с возмущенным видом повернулся к майору Бакри. – Ты здесь для того, чтобы помогать нам или вносить раздор?

– Отставить, Бакри, военный советник выше тебя по должности, – остудил пыл заместителя Абидир.

– Но, Махир, его подозрения...

– И правильно делает, что подозревает. А если агент действительно провалился и сейчас нас дезинформирует контрразведка Курмани?

– Не будем ссориться и выяснять, кто старше, а кто младше. Я, Намир, был бы только рад, если агент продолжает работать в обычном режиме и находится вне влияния контрразведки банды.

– Но как убедиться, что агент чист?

– Ты можешь связаться с ним, скажем, по обычному сотовому телефону?

– Вообще-то телефон у него есть, но мы не обговаривали вариант связи по телефону, – ответил Бакри.

– Напрасно, это сейчас самый безопасный способ. Значит, вы не обговаривали общение по телефону, так?

– Так.

– Вы связываетесь по обычной электронной почте?

– Да, закодированным текстом.

– Отлично! Вызови-ка своего агента на связь по компу и

потребуй, чтобы он позвонил немедленно, как только подтвердит получение сообщения.

– Зачем это?

– Если он под контролем, то наверняка ночью изолирован. Соответственно, все средства связи у него изъяты и он не ответит на твой немедленный вызов. Либо по телефону ответит кто-то из охранников. Или агент прочтет сообщение только утром, как проснется и посмотрит почту?

– Нет. У него браслет, который вибрирует при передаче сообщения с моего компьютера. Даже находясь в постели, агент узнает, что я вызываю его, и ответит.

– Если находится на свободе.

– Ну конечно, если на свободе. Шайтан, ты запутал меня.

– Где твой комп?

– В кабинете.

Зарубин взглянул на Абидира. Тот все понял и приказал:

– Неси его сюда, будем проверять твоего агента.

Резко выдохнув воздух, заместитель поднялся и вышел из кабинета. Вернувшись, он положил на стол ноутбук и спросил:

– Что дальше?

– Набирай текст: «Срочно позвони мне», закодируй и отправляй.

– Вот тебе делать нечего.

– Дел как раз по горло, поэтому поторопись.

Заместитель командира ополчения выполнил требования

российского военного советника. Отпечатал в закодированном виде требование срочно связаться с ним. Отправил. Через пять минут пришел ответ – сообщение принято. И тут же сотовый телефон Бакри сработал сигналом вызова.

Майор Зарубин тем временем внимательно смотрел на часы.

– Салам!.. Ничего странного... Информация подтвердилась?... Понял... Да, конечно... Да, это проверка... Потом все объясню... Спокойной ночи. – Бакри отключил телефон.

– Ну вот, поговорил с агентом.

– Это точно был он? – спросил Зарубин.

– Ну, знаешь ли, майор!

– Знаю. Похоже, с ним все в порядке.

– Наконец-то удалось тебя хоть в чем-то убедить.

– А меня, Намир, не требуется убеждать. Надо, чтобы каждый делал свое дело. – Зарубин повернулся к Абидиру: – Разреши мне убыть в район поселка отряда Вахади?

– Это опасно!

– На войне всегда опасно, и, как ни странно, меньше всего людей погибает на передовой, а больше в тылах. Я буду у Вахади и на связи!

– Хорошо, ступай.

Военный советник покинул кабинет, а затем и штаб. До позиций отряда Кахана Вахади надо было пройти всего лишь один квартал.

Как только он вышел, Бакри воскликнул:

– Тебе, Махир, не кажется, что русский много берет на себя? И все он знает, и во всем он прав, и все может просчитать, не майор, а целый штаб.

– Ты предвзято к нему относишься. Кстати, майор прошел две войны, воевал на Кавказе и в современном Афганистане. У него государственных наград больше, чем у нас всех вместе взятых в поселке. Но это не главное, я имею в виду награды, майор настоящий профессионал в военном деле. Его обучали воевать. А кто ты по образованию? Учитель? И потом, он не сам напросился к нам, его прислали по нашей просьбе. И прислали для того, чтобы подсказывал, как и что делать в той или иной ситуации.

– Ладно, Махир, признаю, ты прав. Просто, наверное, нервы пошатывают. И есть с чего.

– Это так.

– Чем заняться мне?

– Резервом. Приведи в готовность все, что у нас есть в резерве. Понятно?

– Понятно.

– И подумай, как нам серьезно проверить твоего агента. Доверять вот так тоже не дело.

– Он честный человек.

– Да хоть тысячу раз честный, но мы не можем доверять только одному агенту. Майор прав, его могут легко взять и заставить работать против нас либо посадить кого-нибудь вместо него. Поэтому продумай и вариант внедрения в бан-

ду еще пары человек. Из числа наблюдателей, например.

– Хорошо, командир. Я подумаю.

– Ступай!

– Тебе стоило бы спуститься в подвал.

– Танковые снаряды сюда не долетят. Но если надо будет, спущусь.

Заместитель кивнул и последним вышел из кабинета. Время приближалось к четырем часам утра.

Майор Зарубин спустился в подвальное помещение двухэтажного дома, одного из череды домов на северной окраине поселка, где был оборудован командно-наблюдательный пункт (КНП) первого отряда ополчения.

– Что у нас тут? – обратился он к Вахади.

– Пока тихо. Техника боевиков не видна, значит, она где-то в районе большой рощи или в деревне Савал, иначе мы увидели бы ее.

– Расстояние до этой рощи и деревни – два с лишним километра?

– Если быть точным, то по карте две тысячи триста пятьдесят метров.

– Оттуда танки не достанут позиций. Ни бронебойными подкалиберными снарядами, ни, тем более, кумулятивными и осколочно-фугасными. Следовательно, для проведения артподготовки танки должны выйти примерно на рубеж дальней балки.

– Танки не достанут, достанут бронетранспортеры, прой-

дя вперед метров четыреста.

– Ну, от БТР нам угрозы нет. Собиют штукатурку со стен домов, и все. Какая это артподготовка? Им надо привлекать танки. Время? – Майор посмотрел на часы. – 3.40! Если верить донесению агента, то через двадцать минут на западном направлении боевики должны начать отвлекающий маневр. У тебя с левого фланга западный сектор виден?

– Как на ладони.

– А укрыться есть где?

– Ты хочешь посмотреть, что за маневр задумали боевики?

– Да.

– Там отделение одной из групп.

– Вызови мне бойца, чтобы провел в распоряжение этого отделения.

– Хорошо, но не лучше ли тебе вернуться в штаб?

– Там и без меня знают, что делать.

– Рисковый ты парень.

– Знаешь, как у нас говорят? Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

– Неудачная поговорка.

– Почему?

– Пробовал я шампанское, когда на курсах в России был. Противная вещь. Ради шампанского я не стал бы рисковать.

– У каждого народа свои привычки, свои поговорки и свои традиции.

– Это верно.

– Так дашь бойца? Или мне самому пройти? Но тогда хоть предупреди своих орлов, а то подстрелят.

– Я дам бойца, минуту, – кивнул Вахади и крикнул в коридор: – Бурак!

– Я!

– Ко мне!

– Слушаюсь.

Тут же появился рослый сириец с двумя автоматами, пятью запасными магазинами в самодельном разгрузочном жилете и тремя гранатами Ф-1 в кармашках широкого пояса.

– Терминатор, не иначе, – усмехнулся Зарубин.

– Что такое? – спросил ополченец.

– Зачем тебе, друг мой, два автомата?

– Пригодятся!

– А гранаты?

– Пригодятся.

– А ты не подумал, что, если в тебя прилетит случайная пуля, ты как взрывное устройство разнесешь все вокруг себя как минимум в радиусе пятидесяти метров?

– Я хотел как лучше. Начнется бой, не надо бегать за патронами, подойдут боевики, встречу гранатами, – ответил ополченец, бросив взгляд на командира отряда.

– Это правильно, но не обязательно весь боекомплект таскать с собой.

– Мне разоружиться?

– Ладно, – махнул рукой Зарубин, – раз надел, неси, только аккуратно.

– Ты знаешь этого человека? – показал Вахади на майора.

– Он – русский.

– Это военный советник, майор. Так вот, проведи его до позиций группы Ямана. Передашь ему мой приказ – выполнять все распоряжения русского майора. Тебе же быть при нем в качестве охраны.

– Зачем, Кахан, этот «матрос Железняк» тебе больше нужен, – покачал головой Зарубин.

– Кто?

– Неважно. Боец.

– У меня хватает бойцов, а тебе с ним спокойнее будет.

– Да я и так не особо тревожусь.

– Серьезно? А я волнуюсь.

– Отобьемся, Кахан.

– Все равно волнуюсь.

– Как начнется бой, сразу успокоишься. – Майор повернулся к проводнику: – Веди на левый фланг, Бурак.

– Почему вы назвали меня каким-то матросом?

– Потом объясню. Но это не оскорбление, не подумай, скорее даже похвала.

– А! Ну, пойдете, тут недалеко.

– Я на связи, – бросил Зарубин Вахади и вышел в коридор.

Бурак, зная тут все лазейки, быстро и скрытно провел военного советника на позиции группы обороны левого флан-

га.

К ним, видимо, предупрежденный Вахади, навстречу вышел сириец в военной форме старого образца.

– Я командир группы, Яман, – представился он.

– Просто Яман?

– У меня и имя Яман, и фамилия Яман.

– Ясно. Майор Зарубин. Мне надо на позицию, откуда хорошо видно все западное направление обороны.

– Следуйте за мной.

Майор двинулся за командиром группы, за ним Бурак, так и тащивший на себе целый арсенал, исполняя обязанности телохранителя российского майора.

Вскоре они оказались в широком окопе с двумя стрелковыми ячейками, смотрящими на север и запад. Боец здесь был один, и командир группы представил его:

– Это Мавлюд. До войны жил в Камбе. Там родился, вырос, учился в Алеппо, женился на девушке из Эль-Рувана, здесь и живет с тех пор, став вместо повара солдатом. Срочную службу в свое время отслужил.

– Из Камбы? – переспросил Зарубин. – Это селение на западе, так?

– Да, господин майор. Хорошее село было, многочисленное, богатое. Как началась война, почти все разъехались.

– Значит, ты знаешь местность вокруг Камбы?

– Как свои пять пальцев. С отцом охотился.

– Хорошо. Наверняка ты смотришь и в сторону своего

родного селения?

– Смотрю.

– Скажи, что-нибудь за последние часы, даже минуты в селе происходило?

– Да, было какое-то движение за ним, а там у боевиков техника, танки, бронетранспортеры.

– Но они не выходили со своих позиций?

– Пока нет.

– А могут танки и БТР развернуть по всему фронту наступление?

– Могут, но в два этапа.

– В смысле?

– Долину от Камбы до Эль-Рувана посередине разрезают два оврага. Потому, чтобы выйти к поселку, боевикам надо будет пройти участок оврагов, затем колонной пройти проход по дороге, и только после этого они смогут снова развернуться во весь фронт.

– Далеко от Эль-Рувана эти овраги?

– От поселка до села чуть более трех километров, значит, овраги где-то в полутора километрах от поселка, да и от села. Они как раз где-то посередине, – прикинув, ответил Мавлюд.

– А овраги танки не пройдут?

– Ни танки, ни бронетранспортеры. Овраги глубокие, склоны крутые, с мелким сыпучим грунтом. Нет, технике через овраги своим ходом не пройти.

– Что ж, спасибо тебе, солдат.

– Да не за что.

– Это все, господин майор? – спросил Яман.

– Ну что ты, Яман, это только начало.

Зарубин достал из футляра ночной бинокль, вошел в стрелковую ячейку, прикрытую колючим кустом, стал смотреть на селение Камба. И увидел, как в обход села начали выдвигаться три танка с одной стороны и бронетранспортер с другой. На броне боевики, где шесть человек, где больше. Были и пешие, что шли, глотая пыль, за техникой. Примечательно то, что прожектора и фары были включены. Противник словно демонстрировал свое перемещение.

Зарубин посмотрел на часы. 4.05.

Боевики начали отвлекающий маневр.

Он перешел в ячейку с сектором обстрела северного направления и поднял бинокль. В районе долины, тянущейся от поселка Бада, на позициях Али Шакира тишина. Видна подошедшая техника. Всего сейчас на передовой позиции основного отряда игиловцев находились семь танков и столько же бронетранспортеров. Довольно мощный «кулак» для ополченцев Эль-Рувана. Но в этой тишине было одно, привлекающее внимание. Солдаты не спали в блиндажах. Люди в черной форме сутились возле танков, у бронетранспортеров боевики, пока немного. Двигатели не запущены.

Он перевел бинокль на пространство, разделяющее зоны ответственности северного и западного отрядов боевиков.

Там никого и ничего. Пустота. Азиз Курмани не перенаправляет силы с севера на запад. Может быть, пока не перенаправляет? Долго ли пройти танкам и БТР от позиций первого отряда до села Камба? Минут десять. Но это только на марш, при условии готовности к нему. Что ж, посмотрим, что будут делать боевики, надо только немного подыграть им, чтобы окончательно прояснить ситуацию и понять замысел главаря бандформирования ИГИЛ Азиза Курмани.

По портативной станции, которыми были оснащены все командиры, начиная от командиров отделений и до командира ополчения, Зарубин вызвал Абидира. За позывные были приняты имена, советника же называли просто майор. Перехвата не боялись. Чего уж тут бояться, когда поселок, кроме, пожалуй, центра, у боевиков на виду, и вопреки заверениям Намира Бакри в Эль-Руване наверняка есть агенты Курмани.

– Махир! Майор!

– На связи! – тут же ответил Абидир.

– Я на левом фланге северной группы. Похоже, агент сбросил достоверную информацию. Отряд боевиков в Камбе начинает отвлекающий маневр, север противника пока молчит, но на позициях Шакира движение. Техника с севера на восток не перебрасывается.

– Мне уже доложили о выходе танков и БТР из Камбы, а также то, что у Шакира все спокойно.

– Боевики должны быть уверены, что все идет по их плану.

– А разве все идет не по их плану?

– Это так, но наше поведение выглядит немного странным.

– В чем?

– На западе явно готовится атака, а мы не предпринимаем никаких мер по усилению позиций отряда Динбара.

– Ты предлагаешь снять танки с юга и востока?

– Нет. Необходимо использовать резерв. Начать выдвижение к западным позициям имеющихся у нас в резерве двух БМП и взвода солдат. Но... сделать это так, чтобы боевики выдвижение заметили. И так, чтобы, подойдя к западным позициям, боевые машины могли вести огонь из пушек и пулеметов по северному направлению. Думаю, что их надо выставить на правый фланг отряда Динбара, соответственно, ближе к левому флангу отряда Вахади. Личный же состав передать Кахану.

Подумав, командир ополчения объявил:

– Хорошо, я дам команду Бакри. БМП и группа в тридцать человек выйдут на стык позиций отрядов Вахади и Динбара. Это все?

– Нет! Пока усиленная банда Шакира не предпринимает каких-либо действий, надо выдвинуть гранатометчиков вперед в укрытия, на удаление метров в пятьдесят-шестьдесят от линии обороны. Там есть где укрыться, и при наступлении банды Шакира гранатометный обстрел станет для нее неожиданностью, я имею в виду огонь с более ближних по-

зий. К тому же там готовые к бою гранатометчики не попадут под артобстрел и смогут начать работу сразу же при продвижении техники боевиков к северной части поселка.

– Гм! – хмыкнул Абидир. – А это не приведет к тому, что мы потеряем гранатометчиков и гранатометы? Ведь во время атаки отойти на прежние позиции они уже не смогут.

– А им и не потребуется отход. Им надо уничтожить технику игиловцев. Удастся поджечь три-четыре машины, неважно, танки или БТР, это значительно снизит возможности Шакира продолжать атаку и умерит его пыл. А горящие танки и БТР повлияют на психику других экипажей. Игиловцы заявляют, что смерть в бою – это то, о чем может мечтать истинный воин, но, получая по мордам, они что-то не спешат умирать, а сдают назад. Так было на востоке и западе, так будет и на севере. Горящая техника внесет суматоху в ряды боевиков, а у них с управлением и так большие проблемы.

– Хорошо. Согласен, – вздохнул Абидир. – Но, майор, если твое предположение приведет к потерям гранатометчиков, я не смогу защитить тебя от гнева ополченцев.

– Я не нуждаюсь в защите. Делай, Махир, как я прошу, и все будет нормально. А чтобы не было кривотолков, я могу пойти вместе с гранатометной группой.

– Нет. Это запрещаю! Ты мне здесь, в поселке, нужен!

– Договорились.

Командир ополчения связался с Вахади и передал приказ выдвинуть гранатометчиков с помощниками и запасом вы-

стрелов на рубеж пятьдесят-шестьдесят метров от основных позиций отряда. Выдвинуть скрытно. Расчетам занять боевые позиции. Задача – уничтожение бронетехники противника. Также Абидир сообщил Вахади о выдвигании БМП на стык позиций его отряда и подразделения Динбара с передачей тридцати бойцов резерва, которых необходимо рассредоточить равномерно по группам. Но этот вопрос согласовать с советником и в дальнейшем следовать его указаниям.

После Вахади Абидир связался с Бакри. Через пять минут две БМП-2 двинулись на северо-запад, проходя улицами, которые просматривались из села Камба.

Зарубина же вызвал Вахади:

– Майор?! Кахан!

– Да, Кахан.

– Ну, заварил ты кашу!

– Что ты, друг мой, я только поднес спичку к охапке хвороста. В котелок же даже не засыпал крупку. Что хотел, Кахан?

– Абидир сообщил о выходе двух БМП на стык позиций моего отряда и отряда Динбара и передал мне тридцать бойцов резерва. Он приказал согласовать с тобой, как распределить этих бойцов, и в дальнейшем подчиняться тебе.

– А насчет гранатометчиков он тебе ничего не говорил?

– Да, был приказ выдвинуть их вперед. Он выполняется. Сейчас на передовые позиции вышли уже два расчета, готовятся остальные.

– Рубеж новых огневых позиций определен?

– Да, и тебе это лучше меня известно. Ведь это твоя идея, не так ли?

– Так. Но дальше пятидесяти-шестидесяти метров гранатометчиков не удалять.

– Хорошо. Как будем согласовывать распределение резерва?

– Подойду, решим, готовь свои предложения.

– А ты что, останешься на фланге?

– Недолго. Посмотрю за действиями западного отряда Со-мала Халафа.

– Ладно, я на КНП.

– До связи!

– Господин майор, техника боевиков вышла к месту оврагов, – окликнул Зарубина Мавлюд.

– Так, поглядим! – Майор прошел в западную ячейку, под-нял бинокль.

Боевики прошли примерно полтора километра, развернувшись в линию, и встали у оврагов. Один танк выстрелил. Снаряд упал куда-то в частный сектор, откуда люди еще час назад были эвакуированы в центр. Спустя минуту выстрелил второй танк. Бронетранспортеры перестроились в колонну и пошли к участку дороги.

Зарубин следил за их перемещениями. Услышав гул дизелей, обернулся. Слева показались две БМП-2 – дали короткие очереди из автоматических пушек по бронетранспор-

терам и тут же отошли за крайний двухэтажный дом, откуда могли вести огонь по северной части долины и позициям отряда Шакира, будучи невидимыми боевиками первого основного отряда игиловцев. Заместитель Абидира сделал все четко и верно. Экипажи выполнили маневр как следует. Бойцов резерва майор не заметил.

Отстрелявшие бронетранспортеры встали у проезда по дороге между оврагами. Халаф, видимо, посчитал угрозу БМП-2 серьезной и приказал рассредоточиться за оврагом, практически вернувшись на прежние позиции. Оттуда БТР открыли шквальный огонь из крупнокалиберных пулеметов КПВТ по тому же частному сектору, срезая кусты, мелкие деревья, разбивая брошенные дома, так что образовали своеобразный щит для домов второй линии квартала Мутри.

Ополченцы также открыли ответный огонь. Выстрелил третий танк. Снаряд разорвался у позиций, и тут же начала подниматься дымовая завеса, но боевики вперед не двинулись. Все стало ясно.

– Ну вот, – опустил бинокль Зарубин, – напротив еще пространство между отрядами игиловцев, которые по-прежнему остаются пустыми. Яман! – повернулся он к командиру группы.

– Да, господин майор?

– Сюда еще пару бойцов, если есть свободный пулемет, то и его сюда. С этой позиции проще будет отсекать пехоту от техники.

– Понял. Но мне нужен приказ Вахади!

– Считаю, ты его получил. Кахан Вахади, по распоряжению Абидира, подчинен мне.

– Слушаюсь, господин майор!

– И готовь группу к артподготовке. Скоро танки боевиков ударят по позициям. У тебя есть где укрыть бойцов?

– Конечно. Не первый день держим оборону.

– Хорошо. Я к Вахади на КНП.

– Возвращаемся? – спросил Бурак, подбирая поставленные к стене траншеи автоматы.

– Да! – ответил Зарубин.

– Идем, – кивнул Бурак и пошел вперед по извилистой траншее. Вышли к домам, прошли в один из них и спустились в подвал.

На КНП находились Вахади и молодой мужчина в камуфлированной российской форме без знаков различия.

– Это Сафар Умар, командир группы резерва, – представил мужчину командир отряда.

– Майор Зарубин, можно просто майор, – пожал ему руку советник. – Где сейчас твоя группа, Сафар?

– Во дворе этого дома.

– Ты подумал, как использовать группу резерва? – взглянул на Вахади Зарубин.

– Собираюсь рассредоточить ее по отделениям в свои группы.

– А я предлагаю держать группу как единое подразделе-

ние в тылу, ближайшем тылу, за второй линией домов. – Зарубин перевел взгляд на Умара. – Как вооружена группа?

– У меня три РПГ-7, с пятью выстрелами на каждый, три пулемета ПК, с двумя полными коробками и лентами по сто патронов, автоматы АКМ, две винтовки СВД, ручные гранаты, РГД и Ф-1, ну и, естественно, у младших командиров ПМ, у всех ножи.

– Без ножей, конечно, мы никуда, – улыбнулся майор.

– Это так, – вполне серьезно сказал Умар.

– Ну, что решим, Кахан? – обернулся Зарубин к Вахади.

– Я в твоём распоряжении, как скажешь, так и будет.

– Группу Умара в тыл и в подвалы. Связь с ней держать постоянно. Тебе, Сафар, быть в готовности немедленно вывести подразделение туда, куда будет нужно.

– Понял!

– Что у нас с гранатометчиками?

– На новых позициях, – ответил Вахади. – Судя по тому, что боевики их не обстреляли при перемещении, проход прошёл скрытно.

– А бойцы группы?

– Как и было приказано, в подвалах, имеющих отдельные выходы вне зданий. Оставил только наблюдателя. В хорошем, крепком укрытии.

– Замечательно! – похвалил майор и взглянул на часы.

4.25. Танки игиловцев должны выйти на рубеж открытия огня.

Тут же прошел доклад одного из наблюдателей:

– Игиловцы вывели семь танков за позиции отряда,

«Т-62» выстраиваются в линию.

– А «духи» пунктуальны.

– «Духи»?

– Так боевиков называют в Афгане.

– Действительно «духи», правильное определение.

– Ждем! Отсюда-то, если обрушится дом, запасной выход есть?

– И не один.

– Хорошо, Кахан.

Зарубин присел на табурет, достал сигареты, прикурил одну.

И тут вдали раздалось приглушенное уханье. Дом вздрогнул от первого взрыва, первого попадания танкового снаряда:

– Ну, вот и началось. Поддерживай связь с наблюдателем. Это важно.

– Да, майор.

Танковый обстрел продолжался десять минут. Из-за ограниченной видимости гарь и пыль создали приличную завесу, в результате были разбиты вторые этажи домов, где-то снаряды упали и ниже, но в живой силе и технике ополченцы потерь не понесли.

В 4.40 станция Вахади сработала сигналом вызова:

– Это наблюдатель, Али!

– Слушаю!

– Боевики пошли в атаку.

– Принял.

Командир первого отряда переключился на командиров групп:

– Внимание! Боевики начали наступление. Всем занять позиции обороны.

Держа станцию в руке, Вахади посмотрел на советника:

– Надо бы самим посмотреть, что происходит на подступах.

– Идем!

Зарубин и Вахади поднялись на чудом уцелевшую лоджию второго этажа и сквозь завесу увидели, как танки, за ними бронетранспортеры и пехота сближаются с северной частью поселка.

– Плотно идет пехота, – проговорил Зарубин. – Это хорошо. Так, Кахан, передай команду гранатометчикам – открыть огонь по технике при сближении с их позициями до двухсот метров, чтобы наверняка, экипажам БМП-2 после гранатометной атаки также выйти на позиции и огнем пушек и пулеметов отсечь пехоту. То же самое командирам групп. Яману передай приказ вести фланговый огонь из всех видов вооружения.

– Понял.

Вахади связался с командирами групп, передал приказ.

Начавшийся ветер согнал дым на запад. Вскоре наступав-

шая орда была уже хорошо видна. Один из танков произвел выстрел. Снаряд ударил в стену, метрах в тридцати от лоджии.

– Кажется, нас засекли, – крикнул Зарубин, – уходим на позиции!

Советник и командир отряда скатились вниз по лестнице, проскочили в траншеи группы, занимавшей оборону на центральном участке.

– Что с резервом? – спросил Вахади.

– Резервная группа пусть пока остается на месте.

– Но ее помощь нам не помешала бы.

– Мы обойдемся без резерва, если гранатометчики сделают свое дело, как надо. Лишь бы они не замандражировали.

– Что за слово ты произнес?

– Лишь бы, говорю, не занервничали.

– Они не занервничают. Я своих бойцов знаю.

– Хорошо, посмотрим, насколько ты знаешь своих бойцов.

Противник приближался. На башнях танков колыхались черные флаги ИГИЛ. Танки шли в линию, но все же оторвались от бронетранспортеров, которые сдерживались пехотой. Из блиндажа Зарубин смотрел на поле. Танки в пятистах метрах, БТР в шестистах, пехота рядом. Вскоре танки вышли на рубеж удаления от укрывшейся гранатометной группы на двести метров.

– Пора, – проговорил Вахади.

– Да, пора, – подтвердил Зарубин. – Но почему молчат РПГ?

И тут гранатометчики произвели первые выстрелы. Два из шести кумулятивных зарядов попали точно под стволы пушек. «Т-62» словно споткнулись, дернулись, затем прогремели взрывы, срывая башни, внутри рвался боекомплект. Пять танков по инерции прошли еще метров пятнадцать. Второй залп гранатометной группы выбил из строя еще два танка, один выстрел угодил в бронетранспортер. Огонь открыли БМП, выставленные на пространство перед домами. Из стрелкового оружия ударила вся группа. Три уцелевших танка дали по выстрелу и начали пятиться назад. Но они находились в зоне поражения РПГ-7, и командиры боевых машин не видели их позиций. Еще один залп, и взорвался средний танк, за ним левый и наконец факелом вспыхнул последний, седьмой. Свинцовый дождь, обрушившийся на пешие порядки, в считанные секунды выбил из строя больше половины боевиков. Бронетранспортеры замедлились, начали разворачиваться, паля крупнокалиберными пулеметами по домам, четвертый залп поджег три бронетранспортера, два оставшихся на максимальной скорости рванули с позиции отряда Шакира, с ужасом наблюдавшего за бойней у самых подступов к поселку. Такого не ожидал никто. Гранатометчики не стали стрелять в уходящие бронетранспортеры.

– Крепко мы им вlepили, да, майор? – посмотрел на Зарубина Вахади.

– Нормально, – спокойно ответил тот, прикуривая сигарету. – Ты дай команду на отход гранатометчиков. Они отлично справились с задачей и сейчас отойдут без проблем, пока не очухаются «духи».

– О! Теперь они долго не очухаются.

Вахади передал приказ на отход гранатометной группы. Отряд прекратил огонь, но в этот момент танки игиловцев ударили с трех других направлений. Но, находясь на удалении, превышающем две тысячи метров, их снаряды рвались перед позициями ополченцев. И только на западном направлении они накрыли участок рассредоточения бойцов отряда Динбара.

Зарубин сам вызвал на связь командира третьего западного отряда:

– Вадиг! Майор!

– На связи!

– Что у тебя?

– Двое раненых, один убитый.

– Противник?

– Дав залп, танки и БТР начали отход. Сейчас огонь ведут только бронетранспортеры, и огонь сильный.

– Пусть тратят боеприпасы. Главное, укрой бойцов.

– Уже укрыл. Вот только трое не успели.

– Что поделать? Всего на войне не просчитаешь.

– С фланга мне доложили, как отряд Вахади сжег всю технику игиловцев и уничтожил банду Шакира.

– Ну, не всю технику, два бронетранспортера ушли, и не всю банду, а процентов семьдесят, но это очень хороший результат при том, что никто из бойцов Кахана не пострадал. Все, Вадиг, конец связи!

– Конец.

Тишина наступила неожиданно, как всегда. То все кругом гремело, взрывалось, рушилось, то вдруг тишина. Тишина, давящая на психику. Вернулись бойцы гранатометной группы. Вахади сам их встречал, обнял каждого. Майор же прошел к штабу. У входа стояли командир ополчения и заместитель. Подошли БМП, фыркнули дизелями и заняли свои места. Подтянулся и резервный взвод, так и не привлеченный к бою.

– Ты во всем оказался прав, – пожал Абидир руку российского майора.

– Кроме того, что заподозрил человека Бакри, – улыбнулся Зарубин.

– Ничего. И в этом ты прав. Нельзя полагаться на информацию одного агента.

– Ладно, все нормально. Интересно, что в дальнейшем предпримут игиловцы?

– Ну, атаковать более, думаю, не станут. Курмани шкуру спустит с Шакира за потерянную технику и людей.

– Если с самого Курмани не снимут шкуру.

– Его не тронут, он имеет связи в руководстве ИГИЛ.

– Значит, тогда оставшейся техникой и людьми Курмани

будет держать осаду. А это для нас далеко не лучший вариант, сами мы не в силах пробить блокаду, а помощи ждать неоткуда.

– Если только от русских.

– Самолеты бить по населенным пунктам, где сосредоточены главные силы противника, не станут. Это очевидно.

– Этого и не требуется. Почему из Хмеймима не высылают транспортные самолеты с продовольствием?

– Я немедленно свяжусь с Хмеймимом. Там нашу обстановку знают, почему не вылетает помощь, спрошу. Но нас без продовольствия не оставят в любом случае. Возможно, еще из России не пришли борта с гуманитаркой.

– Нам нужны еще и боеприпасы, – быстро проговорил Баكري.

– Я это знаю. А вообще-то не дело постоянно высылать продовольствие, боеприпасы. Надо решать вопрос кардинально.

– Ты насчет блокады?

– Именно.

– Что ж, ты опять прав, но как решать этот вопрос? Правительственные войска далеко, и к нам они если прорвутся, то не скоро. Российские самолеты бомбить банду не могут. Сами мы не в состоянии прорвать оборону игиловцев.

– Ничего, в Хмеймиме что-нибудь придумают.

– Только на русских и надежда, – вздохнул Абидир.

И тут же по связи начал отдавать приказы командирам от-

рядов. Им следовало привести позиции, особенно западные и северные, в порядок, получить боекомплект, оказать помощь раненым, похоронить убитого, обеспечить возвращение в свои дома мирных жителей – женщин, стариков, детей, организовать несение караульной службы. В общем, подготовиться к длительной осаде.

Глава третья

Майор Зарубин прошел в свой кабинет. У него имелась спутниковая станция «Орбита-2М», по которой он мог свободно разговаривать с любым абонентом во всем мире. Единственная спутниковая станция в Эль-Руване. Советник знал, что его непосредственный начальник, главный военный советник в Сирии генерал-майор Кордополов находится на излечении в Москве, подхватил какую-то местную заразу и имел разрешение обращаться непосредственно к командиру российской военной базы.

Он привел в рабочее состояние станцию, настроил все параметры, снял трубку, набрал номер.

– Генерал-майор Грубанов, – тут же ответил ему голос.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, военный советник командира ополчения поселка Эль-Руван, майор Зарубин Олег Викторович.

– Здравствуй, майор, ты назвал поселок Эль-Руван, это тот, что находится в блокаде банд ИГИЛ?

– Так точно. В отсутствие генерала Кордополова имею разрешение прямого выхода на вас.

– Слушаю, майор.

Зарубин доложил об отбитой только что попытке игиловцев прорвать оборону поселка, затем добавил:

– В результате короткого боя ополченцы сожгли семь тан-

ков «Т-62» и пять БТР-6ПБ противника, а также уничтожили примерно до пятидесяти боевиков.

– Отличный результат. Не зря ты там свой хлеб ешь.

– Стараемся.

– Потери ополченцев?

– Двое раненых, один убитый.

– Хм, могло быть гораздо больше. Это минимальные потери.

– Вы сказали, что я не зря ем свой хлеб. Собственно, по этому вопросу я и решил к вам обратиться.

– Что, заканчиваются запасы в Эль-Руване?

– Заканчиваются. На урезанном пайке, полный даем только детям, беременным и кормящим женщинам, гарнизон продержится не более десяти дней, дальше – голод. Понятно, что в подобной ситуации ни о какой обороне речи быть не может. Голод убьет ополченцев и мирных жителей за считанные дни. Боевикам бандформирования, заблокировавшего поселок, Азизу Курмани останется только войти в беззащитный Эль-Руван и покончить с теми, кто будет еще жив.

– Мне известна ситуация в поселке. Предполагаю, что командир ополчения Махир Абидир в недоумении, почему мы не выслали помощь?

– Так точно.

– У нас стоит полный борт «Ил-76», завтра должны прибыть еще два. И на складах достаточно продовольствия и боеприпасов, но... в настоящий момент переброска к вам гру-

за невозможна.

– Разрешите узнать почему? – удивился Зарубин.

– Разрешить-то, майор, разрешаю, а вот почему... То, что я тебе сообщу, могут знать в Эль-Руване только ты, командир ополчения, ну, пожалуй, и его заместитель. Все.

– Я слушаю.

– По непроверенным и неподтвержденным пока данным, Азиз Курмани получил из Турции несколько переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер», но это еще полбеды, с ПЗРК мы как-нибудь разобрались бы, Курмани доставлена зенитная самоходная установка ЗСУ-23-4 «Шилка». Беспилотник, высланный в район Эль-Рувана, не нашел установку, но это не значит, что ее нет. И потом, неизвестно, сколько точно получил Курмани ПЗРК. У нас также имеется информация, что из Турции готовится отправка еще одной партии ПЗРК. Поэтому, даже несмотря на то что информация непроверенная, выслать к вам «Ил-76», а только с них можно сбросить груз, не представляется возможным.

– И что же делать? Эль-Руван открывает дорогу игиловцам на Алеппо. А там и так горячо.

– Сейчас везде горячо, майор. А что делать? Продолжать оборону и использовать те запасы, что у вас есть. А мы тут посмотрим, что можно сделать. Работы по этому вопросу ведутся. Эль-Руван не забыт, и мы решим проблему.

– Я могу сообщить командиру ополчения, что в Хмеймиме занимаются нашими трудностями?

– Да. Помощь будет. Повода для паники нет, так как на неделю запасов вам точно хватит, а это время, которого должно хватить для решения проблемы.

– Я понял вас.

– И еще, Олег Викторович, опять между нами. Вам следует постоянно находиться на связи.

– С вами?

– Пока со мной, дальше посмотрим с кем.

– Я буду носить дистанционный сигнализатор вызова.

– Правильное решение. Ополченцев же похвалите, они нанесли серьезный удар по Курмани, особенно по его репутации. А у боевиков потеря, как говорится, лица грозит весьма плачевными последствиями.

– Курмани вывернется, у него хорошие связи в руководстве ИГИЛ.

– Возможно, но позиции его ослабнут. Впрочем, для нас это не столь важно. Вопросы ко мне есть?

– Да.

– Слушаю.

– Боевики часто выходят на огневые позиции, удаленные от населенных пунктов, мест их базирования и поселка на километр и даже больше. Можете ли нанести хотя бы пару ударов авиацией по этим бандитам?

– Как долго находятся такие банды на огневых позициях и какова их средняя численность?

– Иногда они стоят час, иногда три, бывает, что весь день,

постреливая по окраинам поселка. К Эль-Рувану техника игиловцев, за исключением сегодняшнего боя, старается не подходить, не входить в зону поражения РПГ, которыми неплохо вооружены отряды. Численность банд тоже разная. В среднем это два танка и БТР либо, напротив, два БТР и один танк. Но иногда выходят и более крупные силы.

– По таким целям применение бомбардировщиков или штурмовой авиации нецелесообразно, – ответил Грубанов. – Поймите сами, поднять в воздух бомбардировщик и истребитель прикрытия либо штурмовик для того, чтобы уничтожить пару танков и БТР, слишком дорогое удовольствие. Вот если бы вы сообщили нам о выдвижении к Эль-Рувану семи танков и стольких же бронетранспортеров, да еще с пехотой, то мы подняли бы пару самолетов. И тогда не было бы никакой атаки. По мелким целям, извини, майор, мы работать не будем. Но если боевики сконцентрируют где-либо вне населенных пунктов солидную группировку, сообщай, примем решение.

– Понял. Вопросов больше нет.

– Держитесь, майор, без помощи не останетесь.

– Благодарю, товарищ генерал-майор, до связи!

Переведя станцию в режим ожидания и надев на руку браслет-сигнализатор, который провибрирует при поступлении вызова, майор прошел в кабинет командира ополчения.

Абидир собирался на объезд поселка.

– Говорил с Хмеймимом, – сказал Зарубин.

– Да? – отложил полевую сумку командир ополчения. – И что там сказали по поводу переброски нам продовольствия и боеприпасов?

– Пока это невозможно.

Абидир удивился так же, как ранее и сам Зарубин, и задал тот же вопрос:

– Почему?

– Дело в том, что на базу по каналам сирийской разведки поступила непроверенная пока информация о получении Курмани из Турции переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер», а также зенитной самоходной установки «Шилка».

– Средства ПВО? Но как это просмотрел агент Намира Бакри?

– Агент находится в штабе, а средства ПВО наверняка доставлялись в какое-то тайное место в строжайшем секрете. О них, вполне вероятно, может знать только сам Курмани и те боевики, которые принимали комплексы и установку.

– Но тогда, значит, это отдельная, особая группа, которая размещена вне основных позиций боевиков.

– Скорее всего.

Абидир включил портативную радиостанцию, вызвал заместителя:

– Намир! Махир!

– На связи, командир!

– Ты где сейчас?

– У себя.

– Давай ко мне!

– Что-то срочное?

– Очень срочное.

– Что случилось, Махир? – появившись буквально через минуту, поинтересовался Бакри.

– Майор говорил с командиром российской базы в Хмеймиме, – кивнул на Зарубина Абидир. – Послушай его.

– Да, Олег Викторович?

– Из штаба базы генерал Грубанов сообщил о полученной от сирийской разведки информации о переброске банде Курмани из Турции нескольких ПЗРК и самоходной зенитной установки «Шилка».

– Ничего себе! Интересно, как сами русские пропустили сей момент? Ну, насчет ПЗРК понятно, их укрыть плевое дело, но «Шилка»? Это же такая махина! Как она могла пройти от Турции до района поселка незамеченной для российских беспилотников и спутников?

– Это вопрос не ко мне. Но не стоит забывать, что после вывода основных сил базы возможности ее ослабли. Хотя и ранее ВКС России не контролировали всю территорию Сирии. Для этого необходимо разворачивание здесь как минимум армейского корпуса с частями радиоэлектронной разведки и борьбы. Я же могу задать встречный вопрос: почему получение Курмани средств ПВО осталось без внимания твоего агента?

– Я немедленно свяжусь с ним и поставлю задачу по данному вопросу.

– Вот и на базе предпринимают необходимые меры.

– Значит, русские работают по нашему поселку?

– Да, и активно, генерал заверил меня, что мы без помощи не останемся.

– Шайтан бы побрал этих боевиков! Собаки бешеные! – нервно бросил Бакри, прикуривая сигарету.

– Не горячись, – попытался успокоить его Абидир. – Задачу своему агенту, конечно, поставь, но предупреди, чтобы работал аккуратно. Узнает Курмани о нашем интересе к средствам ПВО, спрячет «Шилку» так, что ни одна разведка не найдет.

– Не надо привлекать агента, – неожиданно сказал Зарубин.

– Это еще почему? – удивленно посмотрел на него Бакри.

– Потому, что велик риск провала. А провал агента приведет к непредвиденным и очень серьезным последствиям. Если за работу взялись наши, то они вычислят и «Шилку», и группу зенитчиков. Не стоит влезать в дела командования базы.

– У нас всего две недели от силы. Успеют ли?

– Успеют. Для этого у генерала Грубанова есть все возможности.

– Ты имеешь в виду отряд спецназа, что проявил себя в Пальмире и в буферной зоне?

– И его тоже.

– Намир, агента к работе по средствам ПВО не привлекать. Это приказ, – принял окончательное решение Абидир.

– Слушаюсь!

– Командир базы потребовал, чтобы о средствах ПВО, появившихся у Курмани, знали только мы трое. Остальным ни слова, – добавил Зарубин.

– Понятно, – кивнул Абидир.

– Само собой, – ответил Бакри.

– Все будет хорошо, мои сирийские друзья, – улыбнулся майор.

– Так, – повернулся Абидир к своему заместителю, – ты, Намир, займись организацией караульной службы и патрулированием поселка, а я поеду на позиции отрядов. Полюбуюсь на сожженные игиловские танки и БТР.

– Если не против, я с тобой, – сказал Зарубин.

– Конечно, не против, – кивнул Абидир, и они с майором вышли из кабинета...

Российская военная база Хмеймим.

Среда 20 мая, 11.00 по местному времени

В сектор, занимаемый командиром группы «Байкал», тихо постучали.

– Открыто! – крикнул майор Жилин.

– Разрешите?

В проеме появился солдат-контрактник с жетоном по-

мощника дежурного по части.

– Входи, солдат, что надо?

– Товарищ майор, вас вызывает полковник Северцов.

– Это он тебя послал?

– Никак нет, дежурный по части.

– Хорошо, понял. Свободен.

– Извините, что передать капитану?

– Какому капитану? – не сразу понял Жилин.

– Дежурному по части.

– Доложи, что выполнил распоряжение. Я через пять минут подойду.

– Разрешите идти?

– Ты первый день, что ли, на базе?

– Никак нет, третий!

– Заметно. Ступай!

– Есть!

Когда посыльный ушел, Жилин, накинув куртку летней полевой формы и захватив полевой планшет, тоже покинул отсек и тут же столкнулся с Сободем:

– А ты чего шарахаешься, Дим?

– Я не шарахаюсь, я ходил в медпункт.

– За спиртом?

– Почему сразу за спиртом, товарищ майор? Голова болит, вот и сходил пилюлю принять.

– Прошла?

– Кто?

– Не кто, а что. Голова прошла?

– Не-е, бесполезно. Видно, перегрелся.

– Ты меньше под кондиционером находишься. Эта штука коварная, можешь так простудиться, что потребуются госпитализация. А как группа без тебя?

– Смеетесь?

– Какой уж тут смех? Потеря такого бойца из-за какого-то кондиционера.

– Смеетесь. Ну да ладно, я не обидчивый.

– Ты неблагодарный, хотя бы спасибо сказал за то, что посадил в машину, а не бросил на бетонке.

– Большое человеческое спасибо, товарищ майор!

– Смирнов что делает?

– На кровати валялся, когда уходил.

– Просто так валялся?

– Не-е, включил видак, поставил какой-то советский фильм.

– Вот, правильно делает твой товарищ. Следуй его примеру.

– Есть следовать примеру. А вы никак в штаб?

– Да, Северцов вызывает.

– О-о, – протянул прапорщик, – значит, хана нашему отдыху.

– Никто этого не знает. Отдыхай, пока отдыхается.

– Вот именно, что пока.

Соболь прошел в отсек, а Жилин направился в сторону

штаба.

Дежурный по части передал, что генерал-майор Грубанов собирает совещание и майору Жилину тоже следует на нем присутствовать.

– Но твой, капитан, помощник сказал, что меня вызывает полковник Северцов.

– Так точно. И он сейчас в кабинете Грубанова.

– А скажи мне, капитан, до того, как объявить совещание в штабе, какие-нибудь новости поступали?

– Через меня – нет.

– В смысле, разве не все проходит через дежурного?

– Может быть, через оперативного и все, а через дежурного по части – нет.

– Значит, ты ни о каких новостях не слышал?

– Ну, вроде как на Грубанова выходил по связи советник из Эль-Рувана.

– Так, что еще вроде?

– Больше ничего.

– Спасибо и на этом. Значит, мне напрямик в кабинет генерала?

– Так точно!

– Понял. Неси службу, служивый!

– А куда ж я денусь!

– Тоже верно.

Майор поднялся на второй этаж. И там в коридоре встретил полковника Северцова.

– Товарищ полковник, майор Жилин...

– Оставь это, – прервал его командир отряда. – Нам следует быть на совещании у Грубанова.

– А разве сейчас не вы здесь старший?

– Только по вопросам, касающимся нашей непосредственной работы. Или, по-твоему, я еще должен и авиацией командовать?

– Любопытно было бы взглянуть, как это у вас получилось бы.

– Отставить шутки! Подожди здесь, я возьму планшет, и потом вместе пойдем к генералу.

– Жду!

Полковник проследовал к своему кабинету.

Майор встал у окна. Достал пачку, выбил сигарету, щелкнул зажигалкой. Не успел сделать две затяжки, как какой-то штабной прапорщик, проходя мимо, остановился и с укором посмотрел на Жилина:

– Товарищ майор! Вам известно, что в общественных местах курение запрещено?

– А здесь, прапорщик, что, кафе-мороженое для детей и их мам? И вообще, кто ты такой, чтобы делать замечания старшему офицеру?

– Я – помощник коменданта базы.

– Ух ты, должность какая высокая! Ты куда шел?

– К коменданту.

– Вот и иди, не нарывайся на грубость.

– Вы, наверное, майор Жилин? Командир группы спецназа?

– Да, и что?

– Ничего. Не к лицу вам вести себя подобным образом.

– Чего? – Жилин чуть не задохнулся от возмущения. –

Поучи еще, недоносок штабной!

– А вот оскорблять не надо.

– Тебя можно оскорбить?

– Товарищ майор?

– Так проваливай, пока при памяти!

– Что за суета? – спросил Северцов, подходя к ним.

– Да вот этот штабной недоумок решил мне замечание сделать.

– Насчет курения?

– Так точно.

Прапорщик, почувствовав поддержку, пожаловался:

– А майор, товарищ полковник, оскорбил меня.

– Хорошо еще, что в морду не дал. Свободен, прапорщик!

– Есть!

Прапорщик с оскорбленным видом пошел по коридору.

– Ты нюх потерял, Жилин? – повернувшись к майору, повысил голос Северцов.

– Не понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.